

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МИР А. МИЦКЕВИЧА В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мария ЖИГАЛОВА

Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина (Białoruś)

В поисках путей изображения гармонического сосуществования природы и человека литература всегда использовала такие художественные образцы мировой культуры, где высокая духовность находится в единстве с природой и Космосом. Поэтому вопросы философии жизни всегда привлекали внимание европейских писателей и поэтов, в произведениях которых в той или иной форме звучали мотивы счастья и смысла жизни. Не исключение и Мицкевич.

В последние годы жизнь и творчество Адама Мицкевича активно исследуется в мире литературоведами и лингвистами, этнографами и культурологами, историками и философами, педагогами и методистами. Не явилась исключением в этом смысле и Беларусь. Известные отечественные учёные-литературоведы (О. Лойко, М. Мушинский, В. Мархель, В. Гниломёдов и др.) рассматривали творчество поэта как явление белорусско-польского пограничья, отмечая роль старой Литвы, этнических традиций в духовных исканиях художника слова; лингвисты (А. Булыка, Г. Моложай, Н. Олехнович, С. Рачевский и др.) исследовали белорусский народно-поэтический контекст и язык произведений поэта; педагоги и методисты (Шацкая Н., Дубовик М., Жигалова М., Вобищевич В.) определяли место А.Мицкевича в контексте современной педагогики и методики преподавания литературы; философы, историки, культурологи, этнографы (Л. Гаранин, В.Коклюхин, С. Жлоба и др.) обращались к этническому, национальному компоненту и его отражению в разные периоды творчества поэта. Заметим, что всех учёных объединяет поиск ответа на вопрос, какие примеры построения картины мира рисует Мицкевич? Как оценивает он мир, где человек осознаёт себя как часть космического единства, живёт в полном согласии с природой, которая его окружает?

Покажем, как формировался онтологический мир А.Мицкевича и как он отразился в контексте белорусской культуры. Отметим, как художник слова в своём творчестве смог использовать, исследовать основы, принципы бытия, его структуру и закономерности, провидчески их прогнозировать.

Изучая жизнь Мицкевича, его творческую судьбу, постоянно задаётся вопросом: откуда у него такие глубинные славянские корни, которые он

так ценил и сохранял в себе? На сей счёт, сегодня существуют разные мнения. Одни учёные убеждены в том, что говорить о славянских корнях Мицкевича в условиях национального радикализма сегодня многим весьма неудобно, особенно о его славянской соборности. Другие, ссылаясь на слова П. А. Вяземского, прекрасно знавшего и Мицкевича, и современную ему Польшу, её литературу и культуру, относят на счёт самого Мицкевича слова, сказанные ранее о Польше: «Польшу тогда знали мало, мало говорили о ней. Это было не хорошо: теперь журнальные публицисты знают о ней не лучше, но говорят о ней больше; и это худо» [1, с. 326.]. Третьи убеждены, что «решающее влияние...на его славянство оказало то, что он родился, провёл детские и юношеские годы не в Варшаве, не в «материковой» Польше (в которую он при жизни так и не попадёт), а в своей чудной Литве; что лучшие черты и качества белорусского народа, среди которого он рос, развивался и формировался как поэт, стали причиной его «славянства» и национальной соборности» [5, с. 9]. Мы же склонны считать, что славянские качества он унаследовал от своих предков, которые смогли сохранить этническую культуру и привить поэту уважительное к ней отношение даже в инонациональной среде. Биографы Мицкевича тоже подчёркивают, что большое влияние на поэта оказала среда, в которой он жил. Отец работал в Новогрудке адвокатом. С утра и до вечера шляхта обивала порог его рабочего кабинета. От посетителей, что стояли в очереди, любознательный мальчик слышал рассказы о разных жизненных случаях. С интересом слушал будущий поэт и сказки Блажея, крепостного-слуги в доме Мицкевичей, песни, которые пела служанка Гансевская. Интерес к этнографии и фольклору он сохранил, занимаясь в новогрудской школе. Специально ходил по базарам, бывал на крестьянских свадьбах, дожинках, чтобы познакомиться с народными обрядами, послушать народные песни. Позже, восхваляя «исконные польские традиции». Мицкевич считал, что причиной всех отрицательных явлений в жизни Польши было отступление от этих традиций. Поэт уверенно говорит о том, что «пока человек не теряет моральной силы, он не ощущает физических страданий». Моральную силу польский крестьянин черпал, по мнению Мицкевича, в том, что он «видел шляхтича рядом с собой и на войне, и на охоте, и у себя дома». Но с тех пор, как шляхтич «отдалился от крестьянина» и стал жить по образцу чужеземцев, крестьянин потерял свою моральную силу: «он прощал насилие рыцарю-сармату, но не мог снести, чтобы его порол шляхтич, предающийся роскоши и проводящий жизнь в танцах» [4, с. 31]. Мицкевич задаётся вопросом: «Ужели польский крестьянин, терпящий нужду, всегда готовый идти на защиту своей страны, верный своей религии и народным обычаям, ужели он был варваром в сравнении, например, с графом Понинским, человеком больших способностей, блестяще воспитанным, однако продавав-

шим родину России, обогащавшимся русскими сребрениками и безрассудно промотавшим состояние?»).

Очевидно, что места и люди, которые окружали А.Мицкевича с детства, его любовь к Марице Верещак на так званой, малой Родине, не могли не быть сюжетами его творчества, его вдохновения. Справедливо замечено, что «анализ творчества поэтов...со стороны принадлежности их к той или иной этнической культуре... свидетельствует о том, что эти произведения являются ценностью других этнических культур лишь потому, что имеют общечеловеческую ценность [3, с. 387].

Общечеловеческие ценности мы рассматриваем, прежде всего, как национальное явление, выраженное в своей наивысшей степени духовности, художественности и самобытности. «Общечеловеческие ценности не могут родиться вне национального и, в силу этого, не могут быть безликими, ничьими; всё самое высокое и творчески значимое рождается только в национальном, становясь при этом сразу общечеловеческим» [5, с. 10].

Поэтому и Мицкевич, создавая великое национальное, тем самым создавал и общечеловеческое. Сам Мицкевич прекрасно знал русский, украинский и белорусский языки. Возможно в силу своей уникальной соборности, анализируя славянские языки, их национальные особенности, характеры, историю, традиции и т.д., Мицкевич рассматривает украинский, белорусский и великорусский языки как языки, имеющие единый генетический корень, единое духовное начало. Вот что подчёркивает Мицкевич в своей лекции, прочитанной им в Коллеж де Франс 21 января 1842 года: «Московско-русский язык распадается на три наречия. Язык, употребляемый в южной России, малорусский, на котором говорит приблизительно 10 млн. человек, без сомнения самый музыкальный, поэтический и звонкий: но он не достиг развития, требуемого от литературного языка. На наречии, употребляемом в Белоруссии, которое называется русинским, или литовско-русинским, говорит также 10-миллионное население; это самое богатое и чистое наречие; ...Великорусское наречие...не менее богато и чисто, но лишено торжественности и наивности литовско-русского и гармонии малорусского наречия» [4, с. 325-326].

Поэзия же Мицкевича является элементом белорусской и русской, французской и немецкой культур. Конечно, в этих культурах она будет занимать разное место. Но она вошла в эти культуры как образец общечеловеческой, как элемент польской этнической культуры.

Заметим, что образы и темы родины проходят через все периоды творчества А.Мицкевича.

Так, например, анализируя первый период жизненного и творческого пути А. Мицкевича, мы отмечаем, что многие произведения написаны с ис-

пользованием мотивов фольклора. Позже, когда поэт находится в поиске ответа на вопрос, что есть философия жизни, эти мотивы усиливаются. Период эмиграции отмечен уже интересом к истории, основам человеческого бытия. Написанное в этот период озаглавлено обращением поэта к принципам и нравам бытия. В эпопее «Пан Тадеуш» А. Мицкевич обращается к вечным понятиям, на которых держится человеческая жизнь, — сила власти и разума, красоты и любви, человеческой хитрости, коварства и искренности.

Значительный интерес представляет помещённая в «Польском пилигриме» рецензия А. Мицкевича на книгу воспоминаний участника восстания 1830-1831 годов Кароля Ружицкого «Восстание на Волыни», в которой автор выразил взгляд художника-реалиста на искусство, отмечая, что «великий художник не может лгать» [4, с. 40.].

Произведения, написанные в период кризиса, когда после неудачи экспедиций Заливского и Оборского, после высылки Лелевеля из Франции, ареста Ворцеля и отъезда его в Лондон, когда поэт не видел ничего, что могло бы облегчить страдания польского народа, он начинает зачитываться произведениями Сен-Мартина, обращаться к вечным вопросам мироздания. Написанные в этот период фрагменты поэмы «Дядя», «История будущего», «История Польши», драма, написанная на французском языке «Барские конфедераты», «Якуб Ясинский, или Две Польши» помогают раскрыть ещё одну грань онтологического мира Мицкевича: его взгляд на сущность человеческого бытия, на такие понятия, как: жизнь и смерть, молодость и старость. А значит, попытаться найти ответ на вопрос, как жить. Так, в «Истории Польши», обращаясь к далёкому прошлому славянских народов, Мицкевич показывает их моральное превосходство над теми, кто шёл на них войною и порой побеждал. Касаясь будущего Польши, он говорит о том, что наступило время, когда на историческую арену выходит сам польский народ, который и будет решать судьбу нации.

А. Мицкевич блестяще развивает в своих произведениях и тему чести, верности, любви к женщине, к Отечеству, к Богу. Говоря об Отечестве, Мицкевич показывает родную Литву не иначе, как часть Польши, ибо третий и последний раздел Речи Посполитой был осуществлён в 1795 году, всего за три года до рождения поэта. Кроме того, многие поляки, проживающие в Новогрудке (Беларусь), в том числе родители и близкие поэта, считали этот раздел временным, что, придёт время, и Польша снова станет единым государством... «Однако он был уверен, что любой политический раздел не может быть разделом национально-духовным, так как национальная культура не делится. Что же касается самого Мицкевича, то он всегда чувствовал себя только поляком. Он очень тонко и глубоко чувствовал своё национальное,

для него выражение своего, польского, имело особое значение», - отмечает М. Ткачѳв [5, с. 54.].

Тема верности не только своему Отечеству, но и любимой женщине поэтически ярко и выразительно раскрывается поэтом в балладе «Свитезянка», прекрасно опозитизированной народной легенде. Поэма и сегодня актуальна, так как во все времена существовало множество соблазнов, обещающих человеку райскую жизнь и райские наслаждения взамен души, чести и совести. Однако в реальной жизни обещанный рай оказывается блефом и ведѳт к нравственной и физической гибели, ибо за всё в этой жизни надо платить, а за бесчестье – больше всего.

Стихотворения и «Любовные сонеты» А.Мицкевича проникнуты возвышенно-чистым образом его первой любви. В них всё: и восторг, и печаль, и боль, и желание забыть, и желание стать навеки её «невольником», и «подарком от Бога»...

Так стихотворение «Сон» одновременно и эгегическое, и философское, и пророческое. Любовь в образе музы, как и муза в образе любви, сразу же после физической смерти поэта разбудила его, отыскав его могилу, и «лаская, и милоя» подарила ему духовное бессмертье.

На оба эти перевода написана замечательная музыка белорусским композитором Мариной Морозовой. В своё время Михаил Глинка, будучи близко знаком с Мицкевичем, написал на стихи А. Мицкевича «К ней», «Разговор» несколько чудесных романсов. Позже его традицию продолжила М. Морозова, написав на стихи Мицкевича «Я невольник, рад неволе», «Сон», «Воспоминание» прекрасные романсы.

Анализируя произведения А.Мицкевича парижского периода, мы заметили, что славистика вошла в жизнь и творчество поэта очень разносторонне. Его лекции, курс славянских литератур, читанный поэтом в 1840-1844 гг. в Коллеж де Франс в Париже, являются первой попыткой сравнительной характеристики славянских литератур. На историческом материале автор стремится показать, какую огромную силу представляют собой славянские народы, как велика их роль в прогрессе всего человечества. Автор призывал славянские народы к единению, дабы совместными усилиями завоевать то место, которое по праву принадлежит им в культурном мире.

А.Мицкевич понимает, какую роль в жизни человека играет память, оскверняя которую людям никогда не стать счастливыми. На многие вопросы бытия он ищет ответ в анализе древних памятников славянских литератур. Восторженно говорит о «Слове...». Признавая, что народные песни всегда существовали в Польше. Мицкевич утверждает, что «народная поэзия не могла ещё выбраться на поверхность из-под покрывавшего её слоя латыни и не имела никакого влияния на памятники письменности» [4, с. 24]. Подробно го-

ворит он и о первых славянских хрониках, сравнивая летопись Нестора и хронику польского летописца Галла, отдавая предпочтение последней. Анализирует исторические труды Длугоша, отмечая их роль в формировании польского языка и стиля. Говорит о первых славянских национальных писателях Н. Рее и Я. Кохановском. Он анализирует произведение Н.Рея «Зеркало, или Жизнь достойного человека», представляя автора как поборника высоких для его времени нравственных начал и гуманистических принципов. Восторженно говорит Мицкевич о «Тренах» Кохановского. Выступает против распространённого среди шляхты подражания иностранцам (поэма «Сатир»). Говорит Мицкевич и о польском писателе Скарге, авторе религиозных проповедей, как о пророке и патриоте. Поясняя, в чём состоит особенность патриотизма Скарги, Мицкевич отмечает, во-первых, что Польша представлялась ему «форпостом цивилизации на Севере», а во-вторых, что Скарга считал поляков «избранным народом».

Его публицистические произведения дают исследователям богатый материал, позволяющий познать философские и социальные воззрения поэта, чей авторитет в литературе был огромен, и к слову которого с большим вниманием относилась общественность. Он привлекал тем, что выступал против национальной и расовой ненависти и призывал славянские народы к единству и тесной дружбе, будучи убеждённым, что только в «братском союзе всех славянских народов» заключена сила и мощь как духовно-нравственного, так и социально-политического потенциала и развития любого государства.

А.Мицкевич переводил древних, подражал им, черпал сюжеты, образы и мысли из сокровищницы славянской и античной мифологии, литературы, истории искусства, чтобы понять этот мир, постичь тайны мироздания. Делал он это легко, непринуждённо. Его классическое образование, помноженное на яркое воображение, быстрый и избирательный ум позволяли поэту держать в голове и при первой необходимости извлекать из глубин памяти фейерверк имён, коллизий, поэтических строк и теоретических пассажей, которые помогали ему понять философию жизни, такую привлекательную и неразгаданную. Так он пытался научиться идти по жизни с чувством радости, любви, упоения жизнью. Он шёл вместе с Богом и побеждал, становясь при этом сильнее не только внешне, но, что очень важно, внутренне, духовно и нравственно.

Он понимал, что человек становится рабом не по причине крепостного права, царского самодержавия, монгольского ига или «тоталитарных режимов», а по причине своего духовного несовершенства. Часто человек оказывается не в состоянии оценить значимость и глубину духовного мира вообще, его божественную мощь, гармонию и красоту. Случается, что он безжалостно разрушает и материальное, и духовное. Об этом стихотворения А.Мицкевича

«Архи-Мастер» и «На Греческую комнату в доме княгини Зинаиды Волконской в Москве»:

Что до деяний, человек,
Суетны все дела твои;
Их искромсает гневно век,
Развеет след в пыли.
Алмаз светился вдалеке,
Теперь он мёртв лежит в песке.
Он изливал прекрасный свет,
Погас, и больше света – нет!

(стихотворение дано в переводе М. Ткачёва)

В стихотворении поэт выражает своё отношение к далеко не лучшей черте человека и человечества – гордыне. К сожалению, все свои хвастливые заявления о «безграничных» возможностях человека далеки от реальности, ибо в течение многих столетий человек так и не познал окружающий мир и себя в нём даже на миллионную долю его сложности. Но вполне оправданным остаётся его стремление передать молодому поколению достигнутое новое, которое возможно только в свободном обществе.

Известно, что всякое ограничение свободы пагубно для творческой личности, особенно поэта, ведь неволя для поэзии равнозначна смерти. Поэтому в стихах Мицкевича свобода сливается с музами, выполняя, по сути, те же функции по отношению к поэту, что и они.

Художник слова испытывал пристрастие ко всему утончённому, изысканному, красивому. Вяземский вспоминает о нём: «Всё в Мицкевиче возбуждало и привлекало сочувствие к нему. Он был очень умён, благовоспитан, одушевлён в разговорах, обхождения утончённо-вежливого. Держался просто, то есть благородно и благоразумно...; не было в нём и признаков ни заносчивости, ни обрядной уничижительности...»[2, с.8].

А.Мицкевич, усвоив весь предшествующий опыт славянской поэзии, представил нам наиболее глубокое для своего времени понимание философии жизни. В освоении такого материала мы находим у него и чувство историзма, и значимость отечества, и радость человеческого общения, и счастье жизни, и удивительную глубину мысли, и важность и значимость чувств, и полное слияние всего этого. Он был Гений. «Гением быть нельзя, кто им не родился. И наша задача открыть этот Гений, обогатиться его познаниями и дать свободу следовать его внушениям». Эта замечательная мысль, принадлежащая Н.И.Лобачевскому, тоже поляку по дедовской линии, современнику Мицкевича, помогает и сегодня рассматривать образование и обучение, которому Мицкевич уделял столько внимания в течение всей своей жизни, как единый процесс умственного и нравственного развития читателя – гражда-

нина своего Отечества. И сегодня мы должны констатировать, что нация, лишённая культуры и истории, то есть духовного прошлого, не имеет будущего.

Как видим, творчество Мицкевича – это целый неисчерпаемый мир. В нём особая роль отводится тем его составляющим, которые позволяют читателю оценить место человека во Вселенной, его красоту, творчество, понять, как поэт смотрит на вечные проблемы бытия и смысла жизни, вместе с тем, отмечая её быстротечность и в то же время конечность и вечность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского в VII томах, С.-Петербург, 1882, Т.VII, «Мицкевич о Пушкине».
2. Вяземский. Мицкевич о Пушкине. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2т. Т I. С. 123-124. – Изд. Гуманитарное агентство «Академический проект». – С.-Петербург, 1999.
3. Жлоба С. П., Жлоба И. С. Творчасць А. Міцкевіча і этнічная культура. В кн: Вечныя праблемы і вобразы ў творчасці Адама Міцкевіча. – Брест, 1998.
4. А. Мицкевич. Собр. соч. Т.4./ Под ред. М.Ф. Рыльского, М.С. Живова. – М., 1954.
5. М. Ткачѳв. Мицкевич и Пушкин: истоки и традиции русской поэзии. – М. «Славянский путь», 2003.